

Г.А.Алмонд, С.Верба
ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА
Подход к изучению
политической культуры (I)

От редакции. Эта не самая обычная публикация имеет свою давнюю — и также не вполне обычную — предысторию. Еще в середине 1990-х годов по инициативе А.М.Салмина и под его руководством была начата работа над переводом ряда классических исследований, вошедших в «золотой фонд» мировой политической науки. Дефицит доступа к этим текстам ощущался в тогдашней России очень остро и полностью не преодолен до сих пор, даже несмотря на предпринятые многими людьми и институциями колоссальные публикаторские усилия. Довести до конца Салмину удалось только одну из этих инициатив — имеется в виду выпущенная в 1997 г. издательством «Аспект-Пресс» под его научной редактурой и с его предисловием «Демократия в многосоставных обществах» Аренда Лейпхарта (в безупречном переводе Б.И.Макаренко). А вот со знаменитой «Гражданской культурой» Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы вышло иначе. Дело, по трудным обстоятельствам времени, ограничилось переводом трех глав — первой, второй и пятнадцатой¹. Опубликована же, и то в сокращенном виде, была только последняя из них — в журнале «Полис» (1992. № 4. С. 122—134), под названием «Гражданская культура и стабильность демократии».

¹ По первому изданию 1963 г. (Almond G.A., Verba S. 1963. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* — Princeton); в наиболее доступном сейчас исправленном и дополненном издании 1989 г. — тринадцатой.

Долгое время перевод остальных глав считался утраченным. Салмин периодически вспоминал о нем, говорил о необходимости как-нибудь вернуться к этому важному проекту, но — не удалось. В сентябре 2005 г. он ушел из жизни. И вот несколько месяцев назад в его архиве нами была обнаружена папка, содержащая машинописный текст (буквально, что называется, «пожелтевшие от времени страницы») первой и второй глав «Гражданской культуры». Решение напечатать его в «Политии» было принято редакцией немедленно и единодушно.

И не только потому, что мы считаем своим долгом продолжать дела и начинания основателя нашего журнала. В последние полтора десятилетия в политической науке стало хорошо заметно очередное «маятниковое движение» в области метода. После долгого увлечения неoinституционализмом снова наметился возврат (конечно, на новом уровне) к тем самым проблемам, которые впервые были поставлены как раз Алмондом, Вербой, Люсиеном Паем и др., — к проблематике культурной детерминированности политических процессов. Лучшие, чем авторы коллективного труда, высту-

щенного в 2000 г. под редакцией Сэмюэла Хантингтона и Лоуренса Харрисона (рус. пер. — М.: Московская школа политических исследований, 2002), пожалуй, и не скажешь: *CULTURE MATTERS* (культура имеет значение). И вот нам кажется, что русскому читателю сейчас имеет смысл обратиться к книгам, с которых в свое время начиналась эта научная революция, получившая на рубеже тысячелетий второе дыхание, и которые ему известны преимущественно в более или менее (часто — менее) грамотных пересказах, во множестве представленных в учебниках по так называемой «политологии». Россия все еще не определилась со своим отношением к демократии — не только с конкретными путями и способами ее «присвоения» и «освоения», но даже и с самой ее желательностью. Тут нет ничего удивительного. «...Образ демократической политики... является смутным и неполным, в нем делается чрезмерный упор на идеологию и правовые нормы. Между тем главное, что надо постичь в демократии, относится к сфере установок и чувств, а их усвоить гораздо сложнее», — разве эти слова звучат не современно? Так вот и надо постигать; и книга Алмонда и Вербы может стать хорошим подспорьем.

Найденный нами перевод «Гражданской культуры» был заново выверен и отредактирован его изначальным автором — Л.А.Галкиной, тогда старшим научным сотрудником Института проблем рабочего движения и сравнительной политологии РАН, а сейчас, по счастливому стечению обстоятельств, заместителем главного редактора «Политии». Перевод будет печататься с продолжением в ближайших трех номерах журнала.

Ключевые слова: политическая культура (парохиальная, подданическая, участническая), гражданская культура, демократия, политические ориентации

Объектом данного исследования является политическая культура демократии и поддерживающие ее социальные структуры и процессы. На протяжении последних десятилетий вера эпохи Просвещения в неизбежность триумфа человеческого разума и свободы дважды оказывалась поколеблена. Распространение после первой мировой войны фашизма и коммунизма вызвало серьезные сомнения в жизнеспособности западной демократии. И поныне мы не можем быть уверены в том, что континентальные европейские страны найдут для себя устойчивую форму демократического процесса, отвечающую специфике их культур и социальных институтов; остается не более чем надеждой и перспективой выработки общеевропейской демократии.

Не развеяв окончательно этих сомнений, развитие событий после второй мировой войны поставило вопрос о будущем демократии уже в мировом масштабе. Взрывообразный рост числа национальных госу-

дарств (national explosions) и практически повсеместное стремление ранее зависимых и изолированных народов к включению в современный мир вписали этот относительно частный политический вопрос в более широкий контекст будущего облика мировой культуры. Культурный поворот приобрел новую значимость в мировой истории. Движение к просвещению и господству над природой, начавшееся три или четыре века назад на Западе, превратилось во всемирный процесс, причем скорость его стала измеряться не столетиями, а десятилетиями.

Главный вопрос публичной политики ближайших десятилетий заключается в том, каким будет содержание зарождающейся мировой культуры. У нас уже имеется частичный ответ на него, и ответ этот может быть извлечен из того, что мы знаем о процессах распространения культуры². Наименьшие сложности, по-видимому, вызовет распространение вещественных товаров и способов их производства. Очевидно, что эти аспекты западной культуры быстро распространяются, равно как и технология, лежащая в их основе. Поскольку экономическая модернизация и национальное объединение требуют от высших слоев общества крупных вложений в транспорт, связь и образование, что, в свою очередь, порождает потребность в налогообложении, регулировании и управлении, сравнительно просто распространяется и модель рациональной бюрократии. Понятие эффективной бюрократии имеет много общего с понятием рациональной технологии. По мнению Люсиана Пая, современная социальная организация строится на организационной технологии³. Подобно технике и технологии, современная социальная организация являет собой соединение разума и силы. Если техника есть использование разума и силы по отношению к материальным предметам, то современная социальная организация есть использование тех же начал по отношению к людям и социальным группам. Хотя незападному миру пока далеко до создания промышленной технологии и эффективной бюрократии, не вызывает сомнений, что он хотел бы обладать такого рода институтами и имеет о них некоторое представление.

Гораздо больше вопросов вызывает политическое содержание зарождающейся мировой культуры. В то время как тенденции к технологизации и рациональной организации примерно с равной силой проявляются во всем мире, направление политических сдвигов менее очевидно. И все же один аспект этой новой мировой политической культуры вполне различим: она будет политической культурой участия. Если во всем мире и происходит революция в политике, то эта революция сводится к тому, что можно бы назвать взрывом [политического] участия. Вера в политическую значимость простого человека, в то, что он должен быть включен в политическую систему, получила широкое распространение во всех новых государствах мира. Большие группы людей, ранее находившихся вне политики, требуют доступа в политическую систему. Да и среди политических элит редко встретишь человека, который не декларировал бы своей приверженности этой цели.

² *Linton 1936: 324—346.*

³ *Committee 1961.*

Хотя будущая мировая политическая культура, похоже, будет определяться взрывом [политического] участия масс, формы, которые примет это участие, остаются неясными. Недавно обретшие независимость народы стоят перед выбором между двумя различными моделями современного государства участия: демократической и тоталитарной. Демократическое государство открывает перед простым человеком возможность участвовать в процессе принятия политических решений в качестве влиятельного гражданина; тоталитарное государство отводит ему роль «участвующего подданного»⁴. Обе модели притягательны для новых государств, и какая из них победит, если, конечно, не возникнет какого-то сплава той и другой, предсказать невозможно.

⁴ См. *Barghoorn* 1962.

В случае если в новых странах утвердится демократическая модель государства участия, им потребуется нечто большее, нежели формальные институты демократии — всеобщее избирательное право, политические партии, выборная законодательная власть. Эти институты, хотя бы номинально, а то и функционально, в действительности составляют часть и тоталитарной модели. Политическая система участия демократического типа нуждается также в сообразной ей политической культуре. Но перенос политической культуры Запада в развивающиеся страны сопряжен с немалыми трудностями. На то есть две главные причины. Первая связана с природой самой демократической культуры. Великие идеалы демократии — свобода и достоинство личности, принцип управления с согласия управляемых — благородны и вдохновляющи. Они захватывают воображение многих лидеров как новых, так и более старых, но находящихся в процессе модернизации государств. Однако действующие принципы демократической политики и ее гражданская культура — способы принятия решений политическими элитами, их нормы и установки, а также нормы и установки обычного гражданина, его отношение к правительству и своим согражданам — представляют собой более тонкие компоненты культуры. Они обладают менее четкими свойствами систем убеждений или наборов норм межличностных отношений, которые, по свидетельству антропологов, распространяются лишь с огромным трудом, претерпевая при этом существенные изменения.

Западная социология фактически только приступила к систематизации операциональных характеристик самой демократической политики. Теории и практике рациональной бюрократии как инструмента демократической политической власти еще не исполнилось и ста лет. Сомнения относительно возможности нейтральной бюрократии высказывались в Англии еще в 1930-е годы, и в настоящее время они получили широкое распространение на европейском континенте. Только сейчас на Западе создается сложная инфраструктура демократической политики — политические партии, группы интересов, средства коммуникации — и приходит понимание внутренних механизмов функционирования [этих институтов], их действующих норм и социально-психологических предпосылок. Поэтому образ демократической политики, который транслируется элитам новых государств, является смутным и

неполным, в нем делается чрезмерный упор на идеологию и правовые нормы. Между тем главное, что надо постичь в демократии, относится к сфере установок и чувств, а их усвоить гораздо сложнее.

Вторая важнейшая причина тех трудностей, с которыми сопряжено распространение демократии в новых государствах, — стоящие перед этими государствами объективные проблемы. Привлеченные блеском и мощью технологической и научной революции, они включаются в историю с архаичными технологиями и социальными системами. Несложно понять, почему им должен импонировать образ технократической политики — политики, в которой господствует авторитарная бюрократия, а политическая организация становится механизмом управления людьми и социальной инженерии.

Практически во всех случаях, хотя и в разной степени, лидеры модернизирующихся государств отдают себе отчет в перекосах и рисках, которыми чревато утверждение авторитарной формы политики. Будучи не в состоянии в полной мере постичь хрупкое равновесие демократической политики и нюансы гражданской культуры, они, как правило, склонны признавать их легитимность, видя в них проявление импульса к созданию сообразной человеку политики (*human polity*). Описывая ситуацию, в которой они находятся, мы оставили за скобками один очень важный момент. Ведь хотя они, безусловно, зачарованы наукой и техникой и их влечет к себе беспокойное технократическое государство как средство приобщения к тому новому, что есть в этом мире, они вместе с тем суть порождение своих собственных традиционных культур и, будь у них такая возможность, предпочли бы бережно обращаться с ними.

Гражданская культура

Ответом на эту двойственность и является гражданская культура. Ибо гражданская культура — это не просто современная культура, а культура, соединяющая современность с традицией. Один из примеров того, как может сложиться такая культура, дает Британия. Становление гражданской культуры в Британии может рассматриваться как итог целого ряда столкновений между модернизацией и традиционализмом — столкновений достаточно острых, чтобы вызвать существенные перемены, но в то же время не настолько острых, чтобы привести к дезинтеграции или поляризации. Отчасти благодаря своему островному положению, обеспечивавшему безопасность, при вступлении в эру национального объединения и абсолютизма Британия могла допустить большую долю автономии аристократии, местных общин и корпораций, нежели континентальная Европа. Первым шагом в направлении секуляризации стало отделение от Римской Церкви и постепенное формирование терпимого отношения к религиозным различиям. Вторым шагом было возникновение преуспевающего и уверенного в себе купеческого класса и вовлечение в торговлю и коммерцию с их рисками и расчетами двора и аристократии.

Независимые аристократы, обладавшие прочной властью на местах в сельских регионах, отважные нонконформисты, богатые и уверенные в себе купцы — вот те силы, которые трансформировали традицию феодальных поместий в парламентскую традицию и позволили Британии пройти через эпоху абсолютизма, не утратив своего плюрализма. В результате к моменту начала в Британии промышленной революции ее элиты обладали такой политической культурой, которая давала возможность адаптироваться к масштабным и быстрым изменениям социальной структуры в XVIII и XIX вв. без глубоких разрывов постепенности. Виги-аристократы сочли возможным вступить в коалицию с нонконформистскими купцами и промышленниками, дабы надежно утвердить принципы парламентского представительства и верховенства парламента. Традиционные аристократические и монархические силы в достаточной мере усвоили эту гражданскую культуру, чтобы конкурировать с секуляристскими течениями за народную поддержку и даже смягчить их рационализм, передать им чувство любви и уважения к государственным святыням и старинным национальным институтам.

То, что возникло в итоге, было третьей культурой, ни традиционной, ни современной, но вобравшей в себя ту и другую. Это была плюралистическая культура, основанная на коммуникации и убеждении, культура консенсуса и многообразия, культура, допускавшая перемены, но способная смягчить их. Это была гражданская культура. С консолидацией этой гражданской культуры трудящиеся классы смогли включиться в политику и путем проб и ошибок найти язык выражения своих требований и средства, позволявшие добиваться их реализации. Именно в рамках этой культуры многообразия и согласования, рационализма и традиционализма смогла сложиться структура британской демократии: парламентаризм и представительство, массовые политические партии и ответственная и нейтральная бюрократия, ориентированные на сотрудничество и торг группы интересов, автономные и беспристрастные средства коммуникации. В английском парламентаризме слились традиционные и современные течения, партийная система соединила и сплавила их; бюрократия стала ответственной перед новыми политическими силами; политические партии, группы интересов и беспристрастные средства массовой информации постоянно улавливали существующие в обществе комбинации потребностей и сцеплялись с важнейшими его коммуникационными сетями.

Мы сосредоточили внимание на британском опыте, поскольку в британской истории отражены все этапы возникновения гражданской культуры, в то время как в Соединенных Штатах и странах Старого Содружества соответствующие изменения начались уже после того, как некоторые из важнейших битв были выиграны. В действительности на протяжении XIX в. развитие демократической культуры и ее инфраструктуры в Соединенных Штатах являлось более быстрым и однозначным, нежели в Британии, поскольку Соединенные Штаты были молодым, стремительно растущим обществом, относительно свободным от

традиционных институтов. Несмотря на сходство своих основных форм, гражданские культуры Британии и Соединенных Штатов имеют в чем-то различное содержание, что отражает различия в национальных историях и социальных структурах [двух стран].

В континентальной Европе ситуация более пестрая. По многим параметрам отличаясь от Британии и Соединенных Штатов, скандинавские страны, Нидерланды и Швейцария, похоже, выработали собственные версии политической культуры и практики разрешения споров и достижения компромиссов. Во Франции, Германии и Италии противоречия между модернизационными тенденциями и традиционными силами, по-видимому, оказались слишком глубокими и не поддающимися урегулированию путем соглашения сторон для того, чтобы возникла общая культура политического примирения. Гражданская культура существует здесь в виде чайний, а демократическая инфраструктура все еще далеко не создана.

Таким образом, гражданская культура и открытая политика представляют собой великие и загадочные достижения Запада. В настоящее время технология и наука Запада уже перестали быть его исключительным достоянием; они повсеместно разрушают и трансформируют традиционные общества и культуры. Могут ли с равным успехом распространяться открытая политика и гражданская культура, этот найденный человеком гуманный и бережный способ управления социальными переменами и участием?

Рассматривая происхождение открытой политики и гражданской культуры или даже ситуацию в той части западного мира, где их появление все еще не очевидно, нетрудно поддаться одному из двух настроений — либо обоим сразу. Первое из них — ощущение таинства или чувство благоговения перед процессом, посредством которого человечество на небольшом кусочке земного шара ощупью движется к гуманному и разумному обузданию насилия, пытаясь найти пути превращения его в некий конструктивный инструмент, доступный для всех заинтересованных лиц. Будучи таинством, этот процесс предстает уникальным культурным наследием, закрытым для иностранцев. Второе настроение — пессимизм, похоже пришедший на смену демократическому оптимизму, имевшему место до первой мировой войны. Как можно пересадить набор столь хрупких, столь сложных и столь тонких соглашений и установок в иной исторический и культурный контекст? Да и как в мире, зажатом в тисках науки и техники, мире дичающем, разрушающем традицию и связи в обществе, а возможно, и самоё жизнь, эти нюансы и эти гуманные правила поведения в социуме могут сохраниться даже у нас самих?

На эти вопросы никто не может дать четкого ответа. Но как социологи мы можем поставить вопросы таким образом, чтобы получить ответы, имеющие прикладное значение. Мы можем разделять чувство изумления и благоговения перед сложностью демократических механизмов и уникальным историческим опытом, вызвавшим их к жизни,

но мы стоим перед современным историческим вызовом, и само по себе чувство не может быть адекватным ответом на него. Если мы хотим приблизиться к пониманию проблем распространения демократической культуры, мы должны быть в состоянии точно определить содержание *того*, что подлежит распространению, найти подходящие единицы его измерения, количественно представить его охват, рассмотреть его демографическое распределение в странах, обладающих разнообразным опытом демократии. Лишь вооруженные этими знаниями, мы можем с пониманием дела строить предположения о том, «сколько чего» должно иметься в стране, прежде чем, опираясь на соответствующие установки и ожидания, в ней могут укорениться демократические институты.

Попытки рассмотреть эту проблему обычно основываются на исторических представлениях и заключениях, на выводах, вытекающих из демократической идеологии, на некоторых видах социологического анализа или на психологических догадках. Поэтому, оценивая перспективы демократии в таких странах, как Германия и Италия, или в развивающихся странах, не принадлежащих к западному миру, мы часто старались извлечь «уроки» из британской и американской истории. Мы доказываем, в частности, что эффективной демократизации способствовали как сохранявшаяся на протяжении долгого времени непрерывность британского и американского политического опыта, так и постепенность процесса перемен. Аналогичным образом мы считаем, что жизненно важную роль в становлении прочных демократических институтов в Британии, Старом Содружестве и Соединенных Штатах сыграло появление сильного и многочисленного среднего класса и развитие протестантства, особенно неконформистских сект. На основе этого опыта мы пытаемся выявить некие общие правила, указывающие на то, какие установки и [модели] поведения должны присутствовать в других странах, чтобы они могли стать демократическими.

Еще менее новаторским (*more common*), нежели извлечение уроков из истории, было наше стремление извлечь критерии того, что подлежит распространению, из институциональных и идеологических норм самой демократии. Существует мнение, что, поскольку демократическая система строится на распределении влияния среди всего взрослого населения, дабы она не рухнула, индивид должен разумно использовать свою власть, направляя ее на благо политики. Теоретики демократии, начиная с Аристотеля и кончая Брайсом, подчеркивают, что демократии сохраняются благодаря активному участию населения в гражданских делах, высокому уровню информированности о происходящем в обществе и широкому распространению чувства гражданской ответственности. Их учения говорят о том, каким должен быть гражданин демократии, чтобы действовать сообразно требованиям системы.

Но имеется и третий подход к исследованию предпосылок, благоприятствующих развитию прочной демократии, — изучение экономических и социальных условий, характерных для демократических сис-

⁵ Lipset 1960: 45ff;
Almond, Coleman
1960: 538ff.

тем. И Липсет, и Коулмен обнаруживают сильную корреляцию между показателями модернизации и демократизации⁵. Главный недостаток их исследований заключается в том, что нам остается только догадываться о культурных и психологических последствиях «новых» технологий и процессов. Мы знаем, что в демократиях обычно бывает больше, по сравнению с другими политическими системами, грамотных и образованных людей, что доход на душу населения и уровень благосостояния в них выше и они в гораздо большей степени пользуются благами современной цивилизации. Но анализ этого типа не только упускает из виду психологическую основу демократизации; он не в состоянии объяснить и случаи существенных отклонений [от общей модели]. Так, Германия и Франция с их высокими показателями модернизации классифицируются Липсетом как нестабильные демократии. Куба и Венесуэла, относящиеся к разряду высокоразвитых стран Латинской Америки, имеют длительный опыт диктатуры и нестабильности. Подобного рода исследования позволяют выдвигать гипотезы, однако они не дают нам прямого ответа на вопрос, какой же набор ориентаций связан с демократией.

⁶ Lasswell 1946:
148ff; 1951: 495ff.

Другой вариант подхода к проблеме культуры и психологии демократии основан на психоаналитических прозрениях. Дальше всех в определении личностных черт «демократа» продвинулся Гарольд Лассуэлл⁶. В перечень отличительных признаков демократического характера он включает: (1) «открытое эго», под которым подразумевает теплое, заинтересованное отношение к другим людям; (2) способность разделять ценности других; (3) скорее многоцветную, чем однозначную ориентацию; (4) доверие к окружающим и готовность положиться на них; (5) относительную свободу от страха и тревоги. Хотя связь между этими чертами характера и демократическим поведением представляется очевидной, выделенные Лассуэллом качества демократа не относятся к числу сугубо *политических* установок и чувств и в действительности часто встречаются во многих обществах, не являющихся демократическими по своей структуре.

Из этой совокупности теорий относительно основных черт и предпосылок культуры демократии и выросло наше исследование. Проведенная нами работа сводится к проведению серии экспериментов, направленных на тестирование некоторых из высказанных выше гипотез. Вместо того чтобы выводить свойства демократической культуры из политических институтов и социальных условий, мы попытались определить ее содержание через изучение установок [граждан] в ряде действующих демократических систем. И вместо того чтобы черпать представления о социально-психологических предпосылках демократии из психологической теории, мы постарались выяснить, действительно ли в действующих демократических системах существует подобная зависимость, и если да, то насколько она сильна. Мы отнюдь не рассчитываем на то, что наше исследование положит конец дальнейшим размышлениям [на эту тему] и в нем будет представлена всеобъемлющая теория

демократии, основанная на точных и проверенных выводах. Скорее мы полагаем, что какие-то из наших гипотез выдержат проверку эмпирическим и количественным анализом, а какие-то нет. Эта экспериментальная стадия должна сфокусировать и направить [дальнейшие] изыскания, дав ответы на некоторые старые вопросы и поставив новые.

И еще в одном отношении мы надеемся внести свой вклад в развитие научной теории демократии. До сих пор подавляющая часть эмпирических исследований демократических ориентаций проводилась в Соединенных Штатах. В свое исследование, помимо нашей собственной страны, мы включили Британию, Германию, Италию и Мексику. Почему мы выбрали именно эти конкретные страны, будет сказано ниже. Сравнительный анализ пяти стран позволяет нам избавиться от подобной сосредоточенности на американских реалиях (American particularism) и проследить, присущи ли закономерности, выявленные на материале США, другим демократическим странам, различающимся по своему историческому опыту и своим политическим и социальным структурам.

Типы политической культуры

⁷ Общетеоретические положения этого подхода представлены, в частности, в: Benedict 1934; Kardiner 1939, 1945; Linton 1945; Leites 1948; Mead 1951b; Inkeles, Levinson 1954; Kluckhohn, Murray, Schneider 1955; Kaplan 1961. Особенно релевантна для нашего исследования статья А. Инкелеса «Национальный характер и современные политические системы» (Inkeles 1961). А книга Пая «Политика, личность и построение нации» (Pye 1962), в которой автор не только разрабатывает общую теорию личности и политических устано-

При проведении сравнительного анализа политических культур пяти современных демократий мы используем ряд понятий и классификаций, которые было бы полезно конкретизировать и определить. Мы говорим о «политической культуре» нации, а не о «национальном характере» или «типе личности» и о «политической социализации», а не о развитии ребенка и общем его воспитании не потому, что отвергаем психологические и антропологические теории, связывающие политические ориентации с другими компонентами личности, или теории, подчеркивающие связь между общим развитием ребенка и приобщением его к взрослым политическим ролям и установкам. Более того, это исследование никогда бы не было проведено без предварявшей его работы историков, социальных философов, антропологов, социологов и психиатров, занимавшихся изучением соотношения между психологическими и политическими характеристиками наций. Существенное влияние на него оказал, в частности, «психокультурный подход» («культура — личность») к изучению политических явлений. За последние 25 лет в рамках этого подхода было создано значительное число трудов теоретического и монографического характера⁷.

Мы используем термин «политическая культура» по двум причинам. Во-первых, если мы хотим проследить взаимосвязь между политическими и неполитическими установками и моделями развития, мы должны отделить первые от вторых, пусть даже граница между ними является не настолько резкой, как это следует из нашей терминологии. Таким образом, термин «политическая культура» отсылает к сугубо политическим ориентациям — установкам по отношению к политической системе и различным ее частям, представлениям о роли личности в системе. Мы говорим о политической культуре с тем же основанием, с ка-

вок, но и использует ее при изучении бирманской модели, является одним из наиболее значимых современных вкладов в теорию национального характера и политической культуры. Исследования по Германии: Brickner 1943; Rodnick 1948; Schaffner 1948; Dicks 1950. Исследования по Соединенным Штатам: Mead 1942; Gorer 1948; Riesman 1950. Исследования по России: Gorer, Rickman 1949; Mead 1951a; Dicks 1952; Leites 1953; Tomasic 1953. Об Англии см. Gorer 1955; о Франции — Metraux, Mead 1954; Wylie 1957; Leites 1959; о Японии — Benedict 1946.

ким мы можем говорить об экономической культуре или культуре религиозной. Это набор ориентаций на некую совокупность социальных объектов или процессов.

Но мы предпочли понятие политической культуры всем прочим еще и потому, что оно позволяет нам воспользоваться концептуальными рамками и подходами антропологии, социологии и психологии. Использование таких категорий антропологии и психологии, как социализация, культурный конфликт и аккультурация, обогащает нашу концепцию. Аналогичным образом привлечение совокупности теоретических разработок и размышлений, касающихся социальной структуры и социального процесса как общих феноменов, позволяет нам лучше понять, как возникают и трансформируются политические системы.

Мы знаем, что антропологи употребляют термин «культура» в нескольких разных смыслах, и отдаем себе отчет в том, что включение этого термина в концептуальный словарь политической науки чревато заимствованием не только его сильных сторон, но и недостатков. Мы можем здесь лишь подчеркнуть, что используем концепт культуры только в одном из его многочисленных значений, а именно в значении *психологической ориентации на социальные объекты*. Говоря о политической культуре общества, мы имеем в виду политическую систему, как она интернализуется в знаниях, ощущениях и оценках ее членов. Люди включены в эту культуру так же, как они социализированы в неполитические роли и социальные системы. Конфликты между политическими культурами имеют много общего с другими культурными конфликтами, и процессы политической аккультурации становятся понятнее, если мы рассматриваем их через призму сопротивления [инокультурным влияниям], а также тенденций к слиянию и инкорпорации, характерных для культурных изменений как таковых.

Тем самым понятие политической культуры помогает нам избежать расплывчатости, присущей такому общепринятому антропологическому термину, как «культурный этос», а также сопряженного с ним представления об однородности [культуры]. Оно позволяет нам формулировать гипотезы о взаимосвязи между различными составляющими культуры и проверять эти гипотезы эмпирически. Благодаря концепту политической социализации мы можем выйти за пределы довольно поверхностных допущений психокультурной школы о зависимости между паттернами общего развития ребенка и политическими установками взрослого и связать специфические политические установки и поведенческие ориентации взрослых с детским опытом явной и скрытой политической социализации.

Политическая культура нации — это конкретное распределение моделей ориентации на политические объекты среди ее членов. Но чтобы приступить к [исследованию] такого распределения, нам нужно найти способ, позволяющий систематически фиксировать индивидуальные ориентации на политические объекты. Другими словами, нам нужно выделить и четко определить типы политической ориентации и

⁸ Almond 1956;
Parsons, Shils 1951:
53ff.

классы политических объектов. Как указывалось в одной из более ранних работ, в своем определении и классификации типов политической ориентации мы следуем за Парсонсом и Шилзом⁸. [Понятие] «ориентация» отсылает нас к интернализированным аспектам объектов и отношений. Оно охватывает собой: (1) «когнитивную ориентацию», то есть знание или представление о политической системе, ее ролях и тех, кто играет эти роли, о том, что у нее на «входе» и на «выходе»; (2) «эмоциональную ориентацию», или восприятие политической системы, ее ролей, кадров и действий; и (3) «оценочную ориентацию» — суждения и мнения о политических объектах, обычно основанные как на ценностных установках и критериях, так и на информации и эмоциях.

Классификацию объектов политической ориентации мы начинаем с «общей» политической системы. Здесь мы имеем дело с системой в целом и учитываем такие чувства, как патриотизм или отчуждение; когнитивное осмысление и оценки государства как «большого» или «маленького», «сильного» или «слабого», а политики — как «демократической», «конституционной» или «социалистической». На противоположном полюсе мы выделяем ориентации на «индивида» как политического актора, содержание и характер (quality) норм, определяющих личные политические обязательства, а также содержание и характер восприятия собственной правомочности в отношении политической системы. Обращаясь к составным частям политических систем, мы прежде всего различаем три широких класса объектов: (1) особые *роли*, или *структуры* (законодательные органы и исполнительная власть, или бюрократия); (2) *лица, исполняющие эти роли* (конкретные монархи, законодатели и администраторы); (3) конкретная государственная *политика, решения* или *воплощение* этих решений *в жизнь*. Такого рода структуры, инкубентов и решения, в свою очередь, можно разделить на два обширных класса: относящихся к политическому процессу, или процессу на «входе», и относящихся к административному процессу, то есть процессу на «выходе». Под политическим процессом, или процессом на «входе», мы понимаем процесс, посредством которого исходящие от общества требования поступают в политику и конвертируются во властную политику. Среди структур, преимущественно включенных в процессы на «входе», — политические партии, группы интересов и средства коммуникации. Под административным процессом, или процессом на «выходе», мы понимаем процесс, посредством которого реализуется и воплощается в жизнь властная политика. К структурам, преимущественно включенным в этот процесс, относятся бюрократия и суды.

Мы осознаем, что любое подобное различие означает искажение в действительности непрерывного политического процесса и многофункциональных политических структур. Бюрократия и суды вносят немалый вклад в выработку общего политического курса, а структуры, определенные нами как действующие на «входе», такие как группы интересов и политические партии, часто вникают в детали управления и

воплощения в жизнь [политических решений]. То, о чем мы ведем речь, — это разница в акцентах, имеющая огромное значение при классификации политических культур. Проводимое нами различие между участнической и подданнической политическими культурами частично связано с наличием или отсутствием ориентации на специализированные структуры «входа». Для нашей классификации политических культур не так уж важно, что эти специализированные структуры «входа» участвуют в осуществлении исполнительных функций, а специализированные административные структуры — в осуществлении функций «выхода». Существенным для нашей классификации является то, на какие политические объекты ориентируются индивиды, как они на них ориентируются и относятся ли эти объекты к «восходящему потоку» выработки политического курса или к «нисходящему потоку» проведения его в жизнь. Мы рассмотрим эту проблему более подробно при выделении основных типов политической культуры.

Таблица 1 Измерения политической ориентации

	Система как общий объект	Объекты на «входе»	Объекты на «выходе»	Личность как объект
Знание				
Эмоциональное отношение				
Оценка				

Все сказанное выше о личностных ориентациях на политику мы можем суммировать в простой матрице 3x4. Как видно из *табл. 1*, чтобы последовательно проследить политическую ориентацию индивида, достаточно выяснить:

1. Что он в самом общем плане знает о своем государстве и его политической системе, о его истории, размерах, географическом положении, силе, «конституционных» характеристиках и т.п.? Как он воспринимает эти системные характеристики на эмоциональном уровне? Каковы его более или менее осознанные мнения и суждения на этот счет?
2. Что он знает о структурах и ролях, о различных политических элитах, о политических предложениях, включенных в «восходящий поток» выработки политического курса? Как он воспринимает эти структуры, этих лидеров и эти политические предложения на эмоциональном и оценочном уровне?
3. Что он знает о «нисходящем потоке» воплощения в жизнь политического курса, о его структурах, акторах, принимаемых здесь решениях? Как он воспринимает их на эмоциональном и оценочном уровне?
4. Каково его самовосприятие в качестве члена политической системы? Что он знает о своих правах, возможностях, обязанностях и

стратегиях обретения влияния? Как он относится к своим потенциальным возможностям? Какие формы участия или поведения он признает и использует при формировании политических оценок или выработке мнений?

Охарактеризовать политическую культуру государства, по сути, означает заполнить подобную матрицу для значимой выборки его жителей. Политическая культура принимает форму частотности различных видов когнитивных, эмоциональных и оценочных ориентаций на политическую систему в целом, ее «вход» и «выход», а также на себя как политического актора.

Таблица 2 Типы политических культур

	Система как общий объект	Объекты на «входе»	Объекты на «выходе»	Личность как активный участник
Парохиальная	0	0	0	0
Подданническая	1	0	1	0
Участническая	1	1	1	1

Парохиальная политическая культура. Когда частотность ориентаций на специализированные политические объекты всех четырех видов, перечисленных в *табл. 2*, приближается к нулю, мы можем квалифицировать политическую культуру как парохиальную (parochial). В эту категорию попадают политические культуры африканских родовых обществ и автономных местных общин, о которых пишет Коулмен⁹. В подобных обществах нет специализированных политических ролей: роли вождя племени, вождя клана, «шамана» носят диффузный политико-экономико-религиозный характер, и для членов таких обществ политические ориентации на эти роли неотделимы от религиозных и социальных. Парохиальная ориентация подразумевает также относительное отсутствие надежд на перемены, инициированные политической системой. Парохиал ничего не ждет от политической системы. Аналогичным образом преимущественно парохиальной является политическая культура упоминаемых Коулменом африканских централизованных племенных образований и государств, хотя появление в этих обществах отчасти более специализированных политических ролей, возможно, свидетельствует о начале перехода к более дифференцированным политическим ориентациям. Преимущественно парохиальной культурой могут обладать и более крупные и дифференцированные политии. Однако относительно чистая парохиальная культура обычно встречается в самых простых традиционных системах с минимальной политической специализацией. В более дифференцированных политических системах парохиальные ориентации обычно присутствуют лишь на эмоциональном и нормативном, но не на когнитивном уровне. Скажем, член отдаленного племени в Нигерии или Гане может смутно

⁹ Almond, Coleman 1960: 254.

осознавать, что существует центральная политическая власть. Вместе с тем эмоциональное восприятие им этой власти остается неопределенным или негативным, и он не усвоил еще никаких норм, которые бы регулировали его отношение к ней.

Подданническая политическая культура. Вторым основным типом политической культуры, отраженным в *табл. 2*, является подданническая культура. Для нее характерна высокая частотность ориентаций на дифференцированную политическую систему и ее функционирование на «выходе», но частотность ориентаций на специфические объекты «входа» и личность как активного участника приближается к нулю. Подданный знает о существовании специализированной правительственной власти; он эмоционально ориентирован на нее, возможно, гордится ею либо, напротив, испытывает к ней неприязнь; он оценивает ее как легитимную или нет. Но это — отношение к системе в целом и ее «выходу», к административной ее стороне, то есть к «нисходящему потоку» политической системы, и оно носит в основном пассивный характер, хотя, как будет показано ниже, существует и ограниченная форма правомочности, сообразная подданнической культуре.

Мы опять ведем речь о «чистой» подданнической ориентации, которая, судя по всему, присуща обществам, где нет дифференцированной структуры «входа». В политических системах, где сложились демократические институты, подданническая ориентация присутствует скорее на эмоциональном и нормативном, нежели на когнитивном уровне. Так, французский роялист знает о существовании демократических институтов, он просто не считает их легитимными.

Участническая политическая культура. Третьим основным типом политической культуры является участническая культура, в рамках которой члены общества обычно четко ориентированы на систему в целом и структуры и процессы как политического, так и административного плана, другими словами, на аспекты как «входа», так и «выхода». Ориентация конкретных членов политики участия на различные классы политических объектов может быть как позитивной, так и негативной. Они склонны ориентироваться на «активистскую» роль личности в политике, хотя, как будет показано ниже, на эмоциональном и оценочном уровне их отношение к этой роли может варьировать от одобрения до неприятия.

Эта трехчленная классификация политических культур вовсе не предполагает, что один тип ориентации полностью вытесняет другие. Подданническая культура не уничтожает диффузных ориентаций на первичные и глубинные (*intimate*) структуры общины. К диффузным ориентациям на родовую группу, религиозное сообщество, свою деревню она добавляет особую подданническую ориентацию на правительственные институты. Аналогичным образом участническая культура не вытесняет ориентаций парохильного и подданнического типа. Участническая культура представляет собой дополнительный пласт, который может накладываться на парохильную и подданническую культуры и

смешиваться с ними. Соответственно, гражданин политики участия не просто ориентирован на активное участие в политике, но и подчиняется закону и властям и является членом более диффузных первичных групп.

Разумеется, при добавлении к подданническим и парохияльным ориентациям ориентаций участнических эти «предшествующие» ориентации не остаются неизменными. С появлением на сцене новых, более специализированных ориентаций парохияльной культуре приходится приспособливаться к ним; а с обретением участнических ориентаций претерпевают изменения как парохияльные, так и подданнические ориентации. В действительности некоторые из наиболее значимых различий в политических культурах пяти включенных в это исследование демократий оказываются связаны с тем, в какой степени и каким образом парохияльные, подданнические и участнические ориентации соединяются, сплавляются или сцепляются друг с другом [в сознании] входящих в политику индивидов¹⁰.

¹⁰ См. Almond, *Verba 1989: chaps. VIII—IX.*

Необходима еще одна оговорка. Наша классификация не подразумевает гомогенности или единообразия политических культур. Так, политические системы с преимущественно участнической культурой даже в предельном случае будут включать в себя и подданническую, и парохияльную культуру. Изъяны процесса политической социализации, личные предпочтения, узость кругозора или ограниченные возможности для получения образования будут и впредь порождать подданных и парохиялов даже в самых укоренившихся и стабильных демократиях. Точно так же даже в рамках «высоких» подданнических культур могут сохраняться парохиялы.

Таким образом, культурная гетерогенность, или культурная «смесь», имеет двоякое выражение. «Гражданин» есть особая смесь участнических, подданнических и парохияльных ориентаций, а гражданская культура есть особая смесь граждан, подданных и парохиялов. Применительно к гражданину нам необходимы понятия количественного соотношения, пороговых величин и конгруэнтности, чтобы разобраться в том, каким образом характерная для него констелляция участнических, подданнических и парохияльных ориентаций связана с реальным поведением. В случае гражданской культуры, к детальному рассмотрению которой мы перейдем чуть ниже, нам нужны те же понятия количественного соотношения, пороговых величин и конгруэнтности, чтобы определить, какая «смесь» граждан, подданных и парохиялов соотносится с реальным функционированием демократических систем. При сравнении политических культур пяти стран у нас будет возможность вновь вернуться к обсуждению этих вопросов.

Наше трехчленное деление политических культур на участнические, подданнические и парохияльные — лишь отправная точка в классификации политических культур. Каждый из этих основных видов культур имеет подвиды, и в нашей классификации полностью опущено измерение политического развития и культурных сдвигов. Давайте сна-

чала разберемся с этим последним вопросом, поскольку это позволит нам подойти к проблеме выделения подвидов с более совершенным набором концептуальных инструментов.

Политические культуры могут гармонизировать, а могут и не гармонизировать со структурами политической системы. Гармонирующей политической структурой будет та, что соответствует культуре, другими словами, та, где политические знания населения относительно адекватны, а эмоции и оценки положительны. В целом парохильная, подданническая и участническая культуры, как правило, наиболее согласуются с традиционной, централизованной авторитарной и демократической политической структурой соответственно. Конгруэнтную своей структуре парохильную политическую культуру отличает высокая доля когнитивных и позитивно окрашенных эмоциональных и оценочных ориентаций на диффузные структуры племенной или деревенской общины. Для конгруэнтной структуре подданнической политической культуры характерны высокий уровень знаний о специализированной политической системе в целом и ее административных аспектах, или аспектах «выхода», и высокие доли позитивных эмоциональных и оценочных ориентаций на них, в то время как конгруэнтная участническая культура предполагает высокую долю позитивных ориентаций на все четыре класса политических объектов.

Политические структуры меняются, и у нас есть основания полагать, что культура и структура часто не согласуются друг с другом. В частности, в последние десятилетия быстрых культурных перемен наиболее многочисленную группу политических систем [мира], похоже, составляют политические системы, которым не удалось достичь согласованности, либо те, что находятся в процессе перехода от одной формы политики к другой.

Схематически отношения согласованности / несогласованности между политической структурой и культурой отражены в *табл. 3*.

Таблица 3 **Согласованность / несогласованность между политической культурой и структурой***

	1	2	3
	<i>Преданность</i>	<i>Безразличие</i>	<i>Отчуждение</i>
Когнитивные ориентации	+	+	+
Эмоциональные ориентации	+	0	–
Оценочные ориентации	+	0	–

* (+) — высокая частотность осведомленности, позитивных эмоций или оценок по отношению к политическим объектам
 (–) — высокая частотность негативных эмоций или оценок
 (0) — высокая частотность безразличного отношения

¹¹ Понятие «allegiant» позаимствовано нами из книги Роберта Лейна «Политическая идеология» (Lane 1962: 170ff).

В матрицу, представленную в *табл. 3*, может быть помещен любой из трех основных типов политической культуры. Таким образом, мы можем говорить о «преданной» (allegiant)¹¹ парохильной, подданической и участнической культуре, когда когнитивные, эмоциональные и оценочные ориентации на соответствующие объекты политики приближаются к единице, или к полной согласованности между культурой и структурой. Однако согласованность между культурой и структурой лучше представить в виде шкалы. Предельные значения согласованности между культурой и структурой отражены в первом и втором столбцах таблицы. Согласованность сильна, когда частотность позитивных ориентаций приближается к единице (+); слаба, когда политическая структура осознается, но частотность позитивных эмоций и оценок приближается к точке безразличия, или к нулю. Несогласованность между политической культурой и структурой начинается тогда, когда пройдена точка безразличия и возрастает частотность негативных эмоций и оценок (—). Эта шкала может также рассматриваться в качестве шкалы стабильности / нестабильности. По мере того как мы приближаемся к первому столбцу таблицы, мы приближаемся к ситуации «преданности», при которой установки и институты соответствуют друг другу; по мере того как мы приближаемся к третьему столбцу, мы приближаемся к отчуждению, когда политические институты и структуры начинают отрицаться на уровне установок.

Однако эта шкала — лишь начало, поскольку несогласованность может принимать форму отрицания конкретной группы лиц, исполняющих те или иные роли (например, определенной династии и ее бюрократии) или быть одним из аспектов системного изменения, иными словами, переходом от более простой модели политической культуры к более сложной. Мы уже высказывали предположение, что все политические культуры (за исключением чисто парохильной) являются смешанными. Так, в рамках участнической культуры имеются индивиды, ориентированные как подданные или парохилы, а подданическая культура обычно содержит и парохилы. Для определения политических культур, включающих в себя заметную долю как более простых, так и более сложных типов ориентаций, мы используем термин «системно-смешанные политические культуры». Характеризуя подобные культуры как системно-смешанные, мы отнюдь не хотим сказать, что в них заложена некая непреодолимая тенденция к samozавершению. Процесс изменения политической культуры может остановиться еще до того, как будет достигнута согласованность с централизованными авторитарными либо демократическими структурами; или же развитие может протекать так, как в Британии, где медленное, постепенное изменение культуры сопровождалось столь же постепенными изменениями в структуре. Как показывает опыт Франции, Германии и Италии XIX и XX столетий, политические культуры могут оставаться системно-смешанными даже на протяжении очень продолжительного времени. Однако пока они остаются смешанными, неизбежно сохраняется напряжение между культу-

¹² *Классическим примером является история с преемником царя Соломона в израильском царстве. Когда Соломон умер, парохильные (племенные и родовые) вожди Израиля явились к его сыну Ровоаму, говоря: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе». Умудренные опытом советники Ровоама убеждали его облегчить иго и с большим уважением относиться к автономии сохранившихся парохильных племенных и родовых групп. Более же молодые его соратники — фанатичные модернизаторы — дали ему знаменитый совет, убедив заявить традиционным вождям народа: «Мой мизинец толще чресл отца моего. ...Если отец мой обременял вас тяжким игом, то я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (3-я Царств 12: 4—11). Последствия принятия Ровоамом совета молодых модернизаторов, как они описаны в последующих частях Третьей книги Царств, свидетельствуют о том, что слишком сильная атака на местные устойчивые угадания*

рой и структурой и присущая [подобным системам] тенденция к структурной нестабильности.

Если три типа политической культуры, отраженные в *табл. 2*, относятся к «чистым» политическим культурам, мы можем выделить и три типа системно-смешанных политических культур: (1) парохильно-подданическую культуру, (2) подданическо-участническую культуру и (3) парохильно-участническую культуру.

Парохильно-подданическая культура. Это тот тип политической культуры, при котором существенная часть населения отвергает особые права диффузных племенных, деревенских или феодальных властей и проявляет ясно выраженную преданность по отношению к более сложной политической системе, обладающей специализированными структурами централизованного управления. Именно такая ситуация обычно складывается в королевстве, состоящем из относительно единообразных частей. В хрониках и исторических описаниях большинства наций зафиксирована эта ранняя стадия перехода от местной замкнутости к централизованной власти. Но это переходное состояние может стабилизироваться еще до того, как возникнет полностью развитая подданическая культура. Слабо связанные африканские королевства и даже Османская империя представляют собой примеры устойчивых смешанных подданическо-парохильных культур, в которых преобладает парохильный компонент, а центральная власть принимает форму слабо осознаваемого набора политических объектов, выполняющих преимущественно фискальные функции. Переход от парохильной к подданической модели чрезвычайно сложен, и неустойчивое движение вперед и назад характерно для ранней истории многих наций¹².

Наша гипотеза заключается в том, что подобного рода сплавы могут рассматриваться как подвиды, образующие континуум. На одном конце этого континуума мы могли бы поместить политическую культуру абсолютистской Пруссии, добившейся немалого успеха в подавлении парохильных ориентаций; на другом — политическую культуру Османской империи, которая так и не продвинулась дальше внешних фискальных отношений с составлявшими ее единицами, в большей или меньшей степени сохранившими парохильный дух. С этой точки зрения весьма интересно различие между прусским и британским абсолютизмом. Мы уже указывали на то, что даже «высокие» политические культуры являются смешанными и что такими же являются и составляющие их ориентации индивидов. Можно предположить, что в Пруссии, на уровне типичного ее жителя, сила подданических ориентаций значительно превышала силу парохильных, в то время как в Британии эти два типа ориентаций были более сбалансированными и, кроме того, парохильный и подданический пласты сочетались более гармонично. Возможно, [специфика] этих *психологических* смесей и объясняет различие между имиджами прусской и британской власти XVIII в.: в первом случае она ассоциировалась с рабским повиновением; во втором — с уверенным в себе, хотя и почтительным сельским сквайром, купцом и

как парохияльных, так и подданных ориентаций, на смену которым приходит безразличие и отчуждение. Результатом становится политическая фрагментация и гибель государства.

йоменом. Аналогичным образом присущая Пруссии *культурная* смесь, по всей видимости, предполагала большую поляризацию между сохранявшейся парохияльной субкультурой, самые яркие примеры которой дает крестьянство восточногерманских земель, и подданныческой субкультурой групп, в наибольшей степени подвергшихся воздействию со стороны прусского абсолютизма: бюрократии всех уровней, включая самый низший, и все возрастающего числа людей, прошедших через школу прусской армии.

Таким образом, переход от парохияльной к подданныческой культуре может стабилизироваться в целом ряде точек континуума и порождать различные политические, психологические и культурные смеси. Мы полагаем также, что тип полученной в результате смеси имеет огромное значение для устойчивости политической системы и ее функционирования.

Подданныческо-участническая культура. От характера перехода от парохияльной к подданныческой культуре во многом зависит, каким будет переход от подданныческой к участнической культуре. Как подчеркивает Пай, первоочередная задача стран, недавно обретших независимость, заключается в том, чтобы выработать [у граждан] чувство преданности государству, национальную идентичность и предрасположенность к подчинению предписаниям центральной власти¹³. При переходе от подданныческой к участнической культуре свой вклад в развитие демократической инфраструктуры может внести парохияльное и местное самоуправление, если таковое сохранилось. Несомненно, что в случае с Британией именно это и произошло. Местные власти, муниципалитеты, религиозные общины и купечество, все еще не утратившее традицию гильдейских свобод, стали первыми группами интересов в зарождающейся британской демократии. Этот урок весьма важен. Именно потому, что развитие подданныческой культуры остановилось в Англии до того, как были разрушены местные и парохияльные структуры и культуры, эти структуры и культуры (в модифицированном виде) смогли в дальнейшем составить ту сеть влияния, которая связала британцев как компетентных граждан с их правительством. Более массивное воздействие прусской государственной власти загнало парохияльные институты в подполье либо уподобило их государственным учреждениям. В результате эра демократизации в Германии началась с огромного разрыва между частной и публичной сферами, и возникшая инфраструктура оказалась не в состоянии протянуть мост от индивида, семьи и общины к институтам государственной власти.

В смешанной подданныческо-участнической культуре существенная часть населения уже приобрела специализированные ориентации, направленные на структуры «входа», и активистский набор самоориентаций, в то время как большинство остальных продолжает ориентироваться на авторитарную правительственную структуру и сохраняет относительно пассивный набор самоориентаций. Для западноевропейских стран с такого типа политической культурой — Франции, Германии и

¹³ *Pye 1962: 3ff.*

Италии XIX и XX столетий — была характерна структурная нестабильность с чередованием авторитарных и демократических правительств. Но подобного рода культурная смесь оборачивается не только структурной нестабильностью. Структурная нестабильность и культурный тупик влияют на сами культурные типы. Поскольку участнические ориентации получили распространение лишь среди части населения и поскольку ввиду сохранения подданнической субкультуры легитимность таких ориентаций подвергается сомнению, а в периоды авторитарных интерлюдий и вовсе отвергается, ориентированные на участие слои населения не могут стать компетентной, уверенной в себе, умудренной опытом массой граждан. Обычно они остаются лишь соискателями демократии. Это означает, что они принимают нормы участнической культуры, но их чувство правомочности не основано на опыте или уверенности в легитимности [своей позиции]. Кроме того, структурная нестабильность и неэффективность демократической инфраструктуры и системы управления, часто сопутствующие подданническо-участнической культуре, как правило, порождают среди демократически настроенной части населения тенденции к отчуждению. В целом этот вид политикокультурного тупика может породить синдром, включающий в себя как идеалистическое стремление к участию в политике, так и отчуждение от политической системы, в том числе от политических партий, групп интересов и средств массовой информации.

Если смешанная подданническо-участническая культура сохраняется на протяжении длительного времени, она меняет облик и подданнической субкультуры. В периоды демократических интерлюдий авторитарно настроенные группы должны конкурировать с демократическими в формально демократических рамках. Другими словами, они должны создавать свою собственную защитную политическую инфраструктуру. Это хотя и не превращает подданническую культуру в демократическую, но, несомненно, видоизменяет ее, и часто в весьма значительной степени. Не случайно авторитарные режимы, складывающиеся в политических системах со смешанной подданническо-участнической культурой, склонны иметь популистский оттенок; а в относительно недавние времена тоталитаризма эти режимы даже заимствовали демократическую инфраструктуру — правда, в чудовищно искаженной форме.

Парохиально-участническая культура. В случае с парохиально-участнической культурой мы выходим на проблему культурного развития, как она стоит в настоящее время перед многими недавно освободившимися странами. Политическая культура большинства этих стран является по преимуществу парохиальной. Внедряемые же ими структурные нормы, как правило, носят участнический характер; поэтому, чтобы достичь согласованности, им нужна и участническая культура. Соответственно, им нужно одновременно развивать специализированные ориентации, направленные как на структуры «входа», так и на структуры «выхода». Неудивительно, что, постоянно находясь под угро-

зой parroхиальной фрагментации, многие из этих политических систем балансируют как канатоходцы, попеременно опасно склоняясь то в сторону авторитаризма, то в сторону демократии. Ни там, ни там нет структуры, за которую можно было бы ухватиться: нет ни бюрократии, опирающейся на лояльных подданных, ни инфраструктуры, вырастающей на базе ответственных и компетентных граждан. Проблема перехода от parroхиальной к участнической культуре на первый взгляд кажется неразрешимой. Однако если мы вспомним о сохранении большей части parroхиального самоуправления и parroхиальных связей, то можем как минимум констатировать, что возможность развития участнической культуры в некоторых из недавно освободившихся стран все еще не исключена. Задача заключается в том, чтобы проникнуть внутрь parroхиальных систем, не разрушив их (аспект «выхода»), и преобразовать их в группы интересов (аспект «входа»).

Библиография

- Almond** G.A. 1956. Comparative Political Systems // *Journal of Politics*. Vol. XVIII.
- Almond** G.A., Coleman J. 1960. *The Politics of Developing Areas*. — Princeton.
- Almond** G.A., Verba S. 1989. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. — Newbury Park.
- Barghoorn** F.C. 1962. *Soviet Political Culture*. A paper prepared for the Summer Institute on Political Culture, sponsored by the Committee on Comparative Politics, Social Science Research Council.
- Benedict** R. 1934. *Patterns of Culture*. — N.Y.
- Benedict** R. 1946. *The Chrysanthemum and the Sword*. — Boston.
- Brickner** R. 1943. *Is Germany Incurable?* — Philadelphia.
- Committee** on Comparative Politics, Social Science Research Council. 1961. *Memorandum on the Concept of Modernization*. November.
- Dicks** H.V. 1950. Personality Traits and National Socialist Ideology // *Human Relations*. Vol. III.
- Dicks** H.V. 1952. Observations on Contemporary Russian Behavior // *Human Relations*. Vol. V.
- Gorer** G. 1948. *The American People*. — N.Y.
- Gorer** G. 1955. *Exploring English Character*. — N.Y.
- Gorer** G., Rickman J. 1949. *The People of Great Russia*. — L.
- Inkeles** A. 1961. National Character and Modern Political Systems // Hsu F.L.K. (ed.) *Psychological Anthropology*. — Homewood.
- Inkeles** A., Levinson D. 1954. National Character: The Study of Modal Personality and Socio-Cultural Systems // Lindzey G. (ed.) *Handbook of Social Psychology*. Vol. II. — Cambridge (Mass.).
- Kaplan** B. (ed.) 1961. *Studying Personality Cross-Culturally*. — Evanston.
- Kardiner** A. 1939. *The Psychological Frontiers of Society*. — N.Y.
- Kardiner** A. 1945. *The Individual and His Society*. — N.Y.

- Kluckhohn** C., Murray Y., Schneider D. 1955. *Personality in Nature, Society, and Culture*. — N.Y.
- Lane** R.E. 1962. *Political Ideology*. — N.Y.
- Lasswell** H.D. 1946. *Power and Personality*. — N.Y.
- Lasswell** H.D. 1951. *The Political Writings*. — Glencoe.
- Leites** N. 1948. Psychocultural Hypotheses about Political Acts // *World Politics*. Vol. I.
- Leites** N. 1953. *A Study of Bolshevism*. — Glencoe.
- Leites** N. 1959. *On the Game of Politics in France*. — Stanford.
- Linton** R. 1936. *The Study of Man: An Introduction*. — N.Y.
- Linton** R. 1945. *The Cultural Background of Personality*. — N.Y.
- Lipset** S.M. 1960. *Political Man*. — N.Y.
- Mead** M. 1942. *And Keep Your Powder Dry*. — N.Y.
- Mead** M. 1951a. *Soviet Attitudes Towards Authority*. — N.Y.
- Mead** M. 1951b. The Study of National Character // Lerner D., Lasswell H.D. *The Policy Sciences*. — Stanford.
- Metraux** R., Mead M. 1954. *Themes in French Culture*. — Stanford.
- Parsons** T., Shils E.A. 1951. *Towards a General Theory of Action*. — Cambridge (Mass.).
- Pye** L.W. 1962. *Politics, Personality, and Nation Building*. — New Haven.
- Riesman** D. 1950. *The Lonely Crowd*. — New Haven.
- Rodnick** D. 1948. *Postwar Germans*. — New Haven.
- Schaffner** B. 1948. *Fatherland. A Study of Authoritarianism in the German Family*. — N.Y.
- Tomasic** D. 1953. *The Impact of Russian Culture on Soviet Communism*. — Glencoe.
- Wylie** L. 1957. *Village in the Vaucluse*. — Cambridge (Mass.).

Продолжение следует